

Юаньцзин еще не успел получить звание сюэя, но уже почувствовал, как разительно переменилось отношение односельчан. Раньше его считали просто ребенком: тот же дядя Юнлинь мог при встрече потрепать по макушке или даже шутливо подбросить в воздух. Теперь же, когда он по привычке протянул было руку к его голове, мужчина в последний миг осекся и лишь неловко похлопал мальчика по плечу.

Даже дети, собиравшиеся вовлечь его в свои шумные игры, получали нагоняй от родителей. В глазах взрослых теперь читалось почтение, а старейшины рода стали подчеркнуто вежливы.

«Всё — прах, лишь учение превыше всего», — в очередной раз убедился он.

Лишь теперь юноша в полной мере осознал, насколько священным в глазах простого люда был образ образованного человека, наделенного хотя бы малой ученой степенью. В этом мире, в отличие от современности, путь к успеху через книги был едва ли не единственным, и это убеждение пустило в народе глубокие корни. Современное общество знало множество дорог, но здесь учение стояло особняком.

Стоило мальчику переступить порог дома, как бабушка затеяла великое празднество. Она не планировала пир на всю деревню, но уж точно собиралась созвать гостей и накрыть богатый стол. Юаньцину пришлось приложить немало усилий, чтобы урезонить её.

— Бабушка, это ведь только начало. В июне мне предстоит сдать экзамен в академии, и я намерен идти дальше. Если мы начнем праздновать сейчас, из-за простого звания аньшоу уезда, люди сочтут нас слишком заносчивыми.

Видя, как поникла старуха, он поспешил добавить:

— Лучшеждемся результатов июньских испытаний и отпразднуем всё разом, когда я стану сюэем. У меня добрые предчувствия, а ждать осталось всего четыре месяца.

— Ну хорошо, внучок, — сдалась госпожа Сун. — Сделаем по-твоему. Но сегодня мы просто обязаны пригласить семью старшего брата и хорошенько пообедать. Даюн, живо! Забивай курицу и овцу!

Она так и не смогла сдержать свой восторженный порыв, раздавая указания громовым голосом. Юаньцзин лишь покачал головой, понимая, что мешать ей сейчас — значит только расстраивать.

Тао Даюн и младшая госпожа Сун сияли от гордости. Радовались и Тао Дачжу с дочерью. Лишь Госпожа Ван чувствовала себя не в своей тарелке.

«Подумаешь, первое место! — ворчала она про себя. — Радуются так, будто это мой сын экзамен сдал».

Впрочем, показать свое недовольство свекрови она не смела — старая госпожа Сун спустила бы с неё три шкуры за одну лишь кислую мину.

Маленький Цзиньбао тоже пребывал в смятении. С одной стороны, в большом доме всегда вкусно кормили, особенно мясом. С другой — стоило ему переступить порог, как и бабушка, и дядя, и даже братья принимались одергивать его, запрещая безобразничать и задирать сестер. Старая госпожа не скупилась на окрики, тогда как дома женщина позволяла ему буквально всё, считая это законным правом единственного сына.

— Сокровище моё, — шептала мать, прижимая к себе сына. — Вырастешь — и тоже станешь аньшоу, маме на радость. Ты у меня ничуть не хуже этого Юаньцзина.

Эти слова случайно услышала младшая госпожа Сун, вышедшая во двор за хворостом. Она и раньше догадывалась о чувствах невестки: чем выше поднимался её сын, тем веселее становилось положение самой матери, а та всегда мечтала превзойти её.

«Неужели она и впрямь верит, что её Цзиньбао сравнится с моим сыном? — усмехнулась про себя женщина. — Я и не мечтаю, чтобы младший унаследовал хотя бы половину ума старшего, а Госпожа Ван и вовсе потеряла связь с реальностью».

После того памятного обеда юноша с головой ушел в учебу. В школу он теперь ходил редко — учитель Чэнь сам велел ему заниматься дома, давая лишь особые задания и приглашая на беседу раз в десять дней или две недели.

Ожидания родных после триумфа на уездных экзаменах возросли многократно. Дома теперь боялись даже дышать в сторону его комнаты. Сяо Нюню строго-настрого запрещали беспокоить брата, и даже проходя мимо дверей его кабинета, все старались ступать на цыпочках. Того это забавляло, он несколько раз просил их вести себя как обычно, но домочадцы остались непреклонны.

В перерывах между занятиями он нашел время смастерить для Нюню особые дощечки в виде мозаики-головоломки, чтобы тот учил иероглифы в игре. Малыш пришел в полный восторг и не выпускал новую игрушку из рук. Даже Даюн, выдавив свободную минуту, присаживался рядом с младшим сыном, повторяя знаки — за последние два года, помогая старшему в делах, он и сам изрядно поднатерел в грамоте.

Три месяца пролетели как один день. В доме Тао снова начались сборы: Юаньцзин и Даюн отправлялись в Вэньчан.

На этот раз провожать их вышла, кажется, вся деревня. Глава клана и старейшины рода напутствовали юношу, прося его не волноваться и сдавать экзамен со спокойным сердцем. В их

глазах он уже был героем — даже если он не пройдет испытания сейчас, в десять лет став аньшоу уезда, звание сюцая было лишь вопросом времени. А там, глядишь, и до цзюйжэня недалеко, что принесло бы славу всей деревне Таоцзя.

— Возвращайтесь поскорее, мы будем ждать! — Юноша взобрался на карету и помахал рукой толпе.

— Даюн! Смотри мне, береги сына! Не смей проявлять халатность, иначе я тебе по возвращении жизни не дам! — Старая госпожа никак не могла унять тревогу, отпуская внука в такую даль.

— Знаю я всё, мама, ступайте домой, — в сотый раз ответил он, терпеливо снося наставления.

Когда экипаж скрылся из виду, Сяо Ньюню не зарыдал, как прежде, а лишь тихонько всхлипнул. Брат снова уехал.

В этот раз Даюн не пожалел денег и нанял настоящую карету с опытным возницей — путь предстоял неблизкий, а комфорт сына был превыше всего. В уездном городке к ним присоединился однокурсник, также прошедший префектурные испытания. Из двоих учеников школы удача улыбнулась лишь одному.

Его попутчика звали Сунь Вэньминь. Ему было восемнадцать, и для своего возраста он имел прекрасные шансы стать сюцаем, однако юноша не проявлял ни тени заносчивости. Имея перед глазами десятилетнего аньшоу, он держался подчеркнуто скромно и то и дело обращался к Юаньцзину за советами по учебным текстам.

Позже, оставшись наедине со своим слугой, тот лишь вздыхал:

«Теперь я понимаю, почему учитель так выделяет Юаньцзина. Рядом с ним я чувствую, что все мои годы над книгами потрачены впустую».

— Молодой господин, не стоит так говорить о себе, — преданно возражал крепкий слуга. — В этом году во всем городке, кроме молодого господина Тао, только вы стали туншэном.

Юноша лишь качал головой — слуге было не понять его чувств. Пообщавшись с Юаньцзином, он понял, что познания мальчика куда глубже его собственных. Но ведь тот родился в крестьянской семье и переступил порог школы лишь в шесть лет! Четыре года учебы против его двенадцати... Это невозможно было объяснить ничем, кроме истинного гения.

Спустя семь дней пути они наконец достигли Вэньчана — столицы провинции. Даже Юаньцзин почувствовал облегчение: привыкнув в прошлых жизнях к благам цивилизации, он с трудом переносил тяготы древних дорог. Казалось, всё его тело превратилось в одну сплошную ноющую рану.

Семья Сунь Вэньмина не бедствовала, да и Даюн не скупился на расходы ради сына. Поэтому, проведя лишь одну ночь на постоялом дворе, отец обошел окрестности и снял небольшой уютный дворик. На следующий день они перебрались туда вместе с Сунь Вэньмином. Тишина и уединение этого места способствовали занятиям куда больше, чем шумная гостиница. Даюн даже нанял кухарку, чтобы та обеспечивала их горячим обедом, освобождая учеников от любых забот перед решающим днем.

До самого экзамена Юаньцзин и Сунь Вэньминь почти не покидали своего убежища. Лишь когда глаза уставали от книг, они немного разминались во дворе. Юному аньшоу очень хотелось прогуляться по столице, оценить её величие и пестроту нравов, но, видя рвение и сосредоточенность Суня, он не решался предаваться праздному любопытству.

В день испытаний они прибыли к экзаменационным рядам еще затемно. Порядок был тот же, что и на уездном уровне, но претендентов оказалось в разы больше. Даюн с изумлением разглядывал толпу, замечая среди туншэнов немало людей своего возраста, а то и старше.

Впрочем, попадались и совсем юные лица. В очереди им встретился мальчик лет одиннадцати-двенадцати, который так же ждал проверки со своей корзинкой. Заметив ровесника, тот замер, и в его глазах вспыхнул азарт соперничества. Он явно вознамерился превзойти Юаньцзина, что вызвало у последнего лишь снисходительную улыбку.

Экзамен в академии состоял из двух туров. Юаньцзин, будучи самым младшим участником, держался с таким непоколебимым спокойствием, что даже ученый инспектор несколько раз задерживал на нем внимательный взгляд. Он же не обращал на это никакого внимания: в своих прошлых перерождениях он видел личностей куда более значительных.

Завершив испытания, мальчик с легким сердцем вышел из ворот, сразу заметив в толпе отца. Даюн тут же подлетел к нему, перехватил корзинку и принялся сокрушенно осматривать сына. Экзамены были суровым испытанием; Даюн видел, как некоторых учеников выносили из келий без чувств, и сердце его обливалось кровью за ребенка.

— Брат Сунь еще не вышел?

— Нет пока. Ты присядь в карете, отдохни, а я подожду его здесь.

— Хорошо.

Юноша с благодарностью принял заботу отца. С тех пор как он стал аньшоу уезда, его перестали звать «Цзин-бао». Честно говоря, это детское прозвище всегда заставляло его сгорать от стыда, но никакие протесты не помогали. Видя, как статус аньшоу разом решил эту проблему, юноша иногда думал, что стоило пойти на экзамены еще раньше.

Вскоре появился и Сунь Вэньминь. Слуга под руки довел его до кареты, и они отправились домой.

Тот, будучи типичным кабинетным ученым, едва добрался до кровати. Смыв дорожную пыль и наскоро перекусив, он мгновенно провалился в сон. Юаньцзин же чувствовал себя бодрым — сказывалось и действие духовного источника, и возросшая сила души. Даюн лишь диву давался, глядя на энергичного сына, который был куда младше вымотанного Сунь Вэньминя.

Когда тот наконец проснулся и увидел Юаньцзина за книгой, он не смог сдержать зависти. На вопрос о секрете такой бодрости он ответил просто: ежедневные упражнения утром и вечером закаляют тело и ничуть не мешают учебе.

Размышляя о предстоящих в будущем провинциальных экзаменах, где участникам приходится проводить в запертых келиях по три дня кряду, Сунь Вэньминь всерьез задумался: не попросить ли отца нанять ему учителя боевых искусств, чтобы хоть немного укрепить тело.

Когда силы вернулись к обоим, четверка отправилась на прогулку — быть в Вэньчане и не повидать города было бы преступлением.

Столица провинции ожидаемо оказалась куда роскошнее их уездного городка. Стоило им зайти в книжную лавку, как Юаньцзин замер: выбор здесь был несравнимо богаче. Сунь Вэньминь разделял его страсть, и вскоре оба с головой ушли в изучение полок.

Он выбирал книги без разбора: здесь были и классические каноны, необходимые для службы, и сборники легенд, и неофициальные хроники. Историю этого мира юноша уже знал из официальных источников, а эти труды помогали ему лучше понять живую ткань времени.

Для Тао Даюна же всё было просто: если сыну что-то приглянулось — нужно немедленно это купить.

Едва Юаньцзин протянул руку к томику путевых заметок, как с другой стороны к книге потянулась еще одна рука. Пальцы обоих коснулись обложки одновременно. Он поднял глаза и встретился взглядом с тем самым подростком, которого видел перед экзаменом. Вблизи лицо того казалось еще более надменным.

Юноша сразу понял: этому мальчику нужна была не книга, а повод для разговора.

Он легко разжал пальцы и мягко улыбнулся:

— Тебе тоже приглянулась эта книга? Что ж, я уступлю её тебе.

В глазах Юаньцзина двенадцатилетний подросток был лишь ребенком, а к детям он всегда проявлял завидное терпение.

«Что за взгляд! К черту его снисхождение!» — Юй Сяо явно считал мысли Юаньцзина и пришел в ярость. Он буквально впихнул книгу обратно в руки мальчика.

— Я искал тебя! Как тебя зовут? Давай поспорим, кто из нас займет более высокое место в списках?

Сунь Вэньминь и Даюн, заметив суету, поспешили на помощь, опасаясь ссоры. Но, услышав вызов, Сунь лишь рассмеялся — было очевидно, что юнец просто хочет помериться силами с равным себе.

Юаньцзин моргнул:

— Идет. Но я до сих пор не знаю твоего имени. Мое — Тао Юаньцзин.

— Я запомню. И ты запомни моё: я Юй Сяо, мне двенадцать лет, так что я определенно старше тебя.

— Приятно познакомиться, брат Юй. Стало быть, ты старше меня на два года.

Глядя, как два подростка с самым серьезным видом обмениваются именами, случайный прохожий мог бы принять это за детскую игру, не будь оба они туншэнами. Сунь Вэньминь едва сдерживал смех, вспомнив, наконец, кто перед ними.

— Ты тот самый аньшоу из соседнего уезда Яннин? — Юаньцзин мало интересовался слухами, но Сунь, посещавший окружные центры, не раз слышал это имя.

— Именно, — медленно произнес Юй Сяо. — И я знаю, что Тао Юаньцзин — аньшоу своего уезда.

На самом деле, еще в первый раз увидев мальчика, который был младше него, тот догадался, кто это. Среди всех нынешних победителей только он выделялся столь юным возрастом. Поначалу Юй Сяо злился, что кто-то затмил его успех, но теперь заносчивость сменилась неловким любопытством.

— Скоро полдень, не желаешь ли разделить с нами трапезу? — предложил Юаньцзин. Он понимал: если он хочет достичь вершин власти в этом мире, ему нельзя быть одиноким воином. Друзья и сокурсники — это связи, на которых держится чиновничий мир.

— Ну... раз ты так настаиваешь, я соглашусь.

Юноша едва подавил улыбку: в глазах Юй Сяо читалось явное желание подружиться, прикрытое маской напускного безразличия. Этим характером он чем-то напоминал Чжоу Хэнцзюня, но Юаньцзин точно знал — этот подросток не был его возлюбленным. Впрочем, эта встреча заставила его еще сильнее тосковать по своей половинке. Где же он сейчас?

Даюн был только рад, что сын заводит друзей, тем более что Юй Сяо не казался дурным ребенком. Оставив лавку, компания направилась в лучший трактир.

К концу обеда Сунь Вэньминь чувствовал себя окончательно раздавленным. Один гений рядом — это испытание, но два — это уже приговор его самолюбию. От прежней гордости не осталось и следа.

С того дня их прогулочный отряд пополнился еще двумя участниками — Юй Сяо и его слугой. Судя по всему, тот был самым обеспеченным в их компании. Вместе они обследовали не только город, но и его окрестности. Вблизи Вэньчана располагался знаменитый храм, привлекавший толпы паломников, и друзья решили проверить, заслужена ли его слава.

Пейзажи на склонах гор оказались поистине чарующими. Повсюду сновали люди: ученые, приехавшие на экзамен, богатые горожане и знатные дамы в легких вуалях.

Стоя на террасе, они заметили внизу отряд всадников, спешивших в сторону города.

— Что там стряслось? — удивился Юй Сяо. — Посмотрите на этих солдат, от них веет такой силой... это не простые стражники.

Юаньцзин отметил про себя наблюдательность юноши — видимо, сказывалось воспитание в хорошей семье. Он тоже почуял исходящую от воинов ауру — тяжелую, пропитанную кровью и запахом стали. Так пахнут люди, прошедшие горнило настоящей войны.

— Нас это не касается, — беспечно отозвался Сунь Вэньминь. — Вон там беседка, давайте присядем, ноги уже гудят.

— Идет, — тот тут же переключился на отдых.

Из всей троицы самым выносливым был Юаньцзин. Юй Сяо и Сунь Вэньминь быстро уставали, поэтому, оставив их отдыхать, он решил осмотреть окрестности в одиночку. Его отец тем временем отправился в главный зал — воскурить фимиам и вымолить у богов удачу для сына.

За храмом обнаружился чистый горный источник и небольшой водопад. Юаньцзин залюбовался красотой природы, как вдруг его взгляд замер. В прозрачных струях воды он заметил тонкие алые нити, которые тут же растворились в потоке.

Он раздумывал не более двух секунд. Решительно повернув, юноша двинулся вверх по течению, к самому истоку кровавых следов. В укромном месте, за нагромождением валунов, он увидел фигуру. Человек лежал ничком у самой воды, и кровь из его ран медленно просачивалась в источник.

Даже со спины было видно, что мужчина необычайно высок и статен. Но всё это не имело

значения. Сердце Юаньцзина вдруг пропустило удар, а затем забилось в бешеном ритме. Чем ближе он подходил, тем сильнее ощущал ту самую, знакомую до боли родную душу. Слава богу, он нашел его.

«Слава богам, я нашел тебя»

Он коснулся плеча раненого, намереваясь перевернуть его и осмотреть раны, как вдруг тот резко распахнул глаза. Взгляд его, острый точно у ястреба, пронзил мальчика насквозь. Обычный десятилетний ребенок отшатнулся бы в ужасе, но тот лишь изогнул бровь и спокойно произнес:

— Ты тяжело ранен. Я немного смыслю в лечении, хочешь, я помогу?

Помедлив мгновение, он добавил:

— Не бойся, я всего лишь туншэн, приехавший на экзамен в академию. Зовут меня Тао Юаньцзин.

Он намеренно назвал свое полное имя. Это должно было не только успокоить незнакомца, но и дать ему зацепку на будущее. Как еще этот человек найдет его позже, если не будет знать, кто спас ему жизнь?

Судя по ауре и тяжести ран, перед ним была личность незаурядная. Юноша невольно подумал о дворцовых интригах — этот человек вполне мог быть важной фигурой в государственных делах.

Мужчина пристально вглядывался в лицо мальчика добрых полминуты, прежде чем едва слышно проронил:

— Хорошо. Помогай.

Юаньцзин приложил немало сил, чтобы перетащить его на ровное место и осмотреть раны. Увиденное заставило его невольно вздрогнуть. Лишь невероятная воля к жизни удерживала этого человека на пороге смерти. Не окажись юноша рядом, страшно было представить, что случилось бы с ним. Неужели, как и в прошлой жизни с Чжоу Хэнцзюнем, его судьбой было погибнуть от несчастного случая, если бы не вмешательство свыше?

<http://bllate.org/book/15835/1502096>